

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сибирские Огни

Художественно-литературный
и научно - публицистический
===== журнал =====

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

№ 6
Ноябрь—Декабрь
1925

Четвертый год издания

СИБИРСКОЕ
КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВНИКОЛАЕВСК.

Болезнь.

(Из цикла «Путь, не отмеченный на карте»).

Ис. Гольдберг.

1.

Канабеевский, Вячеслав Петрович, поручик, когда отбился вследствие болезни от своего отряда, в Варнацке скучно зазимовал.

Вначале, правда, было не до скуки. Товарищи, оставляя здесь Канабеевского, сжигаемого сыпняком, были уверены, что поручик совершает свой последний рейс. И целый месяц Канабеевский метался в жару, в беспмятстве, на чистой половине пятистенного дома у Макара Иннокентьевича Черных, и все путал в бреду, кричал несуразное и непонятное. А узкоглазая рыхлая хозяйка терпеливо поила его травами, мазала медвежьим салом и удивлялась нежной девичьей коже больного:

— Чисто барышня!.. Ишь, какой гладкий!..

На второй месяц, несмотря на травы и медвежье сало, вернулось к Канабеевскому сознание. Жадно ухватился он за жизнь, стал быстро поправляться, стал наливать силой—и затосковал, и заскучал.

В двойных рамах избы прочно сидели искрящиеся льды. За стенами металась февральская пурга. Дни стояли бессолнечные. И ночи волновали своим трепетным белым светом, неверным, обманчивым и тревожащим. Ковыляя исхудалыми и слабыми ногами по жарко натопленной комнате, Канабеевский тщетно старался разглядеть что-нибудь через заледенелые окна, чувствовал нараставшую тоску и спрашивал хозяйку:

— Устинья Николавна, теплеть скоро станет?..

— Што ты, батюшка!—качала головою женщина.—Нонче ешо сретенья только была. Теперь надолго еще закрутит... До тепла далеко. Далеко!.. Канабеевский вздыхал, хмурился и вспоминал о прошлом.

Прошлое казалось захватывающим: путь от далекого теперь Омска в ореоле героизма. Стычки с красными. Отступление. Страшный и немой путь в мертвой, суровой тайге, где все дышало неприязнью и опасностью. И на этом пути разбросанные, наспех вырытые могилы. Потом забытые в огненном недуге. И теперь холодное, во льдах, молчание редкий собачий лай за толстыми стенами, услужливая широкая улыбка хаки и пытливые взгляды редких посетителей. Короткие бессолнечные дни и бесконечные, тревожащие ночи.

Втиснутый в бревенчатые границы своей комнаты, Канабеевский, набираясь сил, нетерпеливо ждал тепла. С теплом должно было прийти освобождение из невольного плена.

Те, теперь далекие товарищи, которые ушли к океану, оставили после себя надежду: когда Канабеевский пришел в себя и испуганно и изумленно стал впитывать в себя окружающее, хозяин, Макар Иннокентьевич порывав сундуке и подал ему письмо.

— Связчики это твои оставили. Наказывали, ежели оклемаешься, отдавать. Возьми...

Канабеевский с жадностью прочитал письмо. Коротко и деловито начальник отряда сообщал ему, что весною за поручиком будут посылать люди. «Если у вас хватит сил,—писал начальник,—постарайтесь с пользой для дела прозимовать в Варнацке».

2.

В двойных рамах прочно сидели льды. А за льдами: многоверстно-широкая Лена крылась изморозным маревом, нависали низкие, холодные небеса и к самому берегу прижались черные, снегом укутанные, избы, сверлящие небо спиралями белого дыма—маленькое стойбище людское: Варнацк.

На картах в редкой сетке рек и хребтов нарядно чернел Варнацк кружком, отмечавшим город. Но сорок кондовых крестьянских изб с жерданными изгородями, остроухие собаки и чуткие олени, легко несшие ветвистые рога свои,—смеялись над обозначением «город»,—и где-то в казенных ведомостях и списках в скобках скромно и застенчиво отмечалось: «выштатный».

По рекам, по тундрам гоняли с места на место олени стада тунгусы. Круглые чумы дышали дымом. Злые, но сдержанные собаки слушали тундровые, таежные шумы, порывались бежать, сдерживались, взвизгивали.

Плотно и легко одетые в олени и волчьи шкуры тунгусы бродили вокруг Варнацка.

В точно отученные сроки выходили они сюда для встречи с торговцами. Они несли горы беличьих шкурок, горностаев, редкого соболя. Они волокли в неуклюжих тюках медвежьей шкуры, сохатинные, олени.

В душных избах клубились табачные дымы, шумело, выло пьяное, нехотело-разгульное, злое. Торговые мяли, разглядывали привычно-быстро шкуры, забирали их у тунгусов и скупно наделяли их всем необходимым. И щедрее всего—мутно-разведенным, быющим в голову спиртом.

Сверху приезжало начальство. Тунгусы несли ясак. И знали тунгусы, что если ясак не будет сдан во-время,—там где-то есть грозное, пугающее Якутск.

До Якутска далеко. Якутск—широкий, шумный мир. От Якутска поют стальные нити на столбах, несут вести туда и отсюда.

Но как же вести пойдут в Варнацк? По островам елей? По студенным валам Лены? По тундровым перевалам, по хребтам, по речкам борковым?

3.

Как же вести доходят до Варнацка?

Было такое:

Сразу же после рождества, когда тихо спят деревни и ждут, чтоб пришли знойные морозы, к Варнацку, перерезав пушистый, горностаевый покров Лены, вышли озябшие, ознобленные, уставшие люди.